

Белла Верникова

Не модная сторона улицы

Эссе

Леди Брэнкнелл. Не модная сторона. ... Но это легко изменить.

Джек. Что именно – моду или сторону?

Леди Брэнкнелл (*строго*). Если понадобится – и то и другое.

Оскар Уайльд. Как важно быть серьезным (Пер. И. Кашкина)

– Он известный писатель.

– А что он написал?

– Что-то написал, но очень известный.

Из разговора

Работу в литературном музее я получила благодаря своим переводам украинской поэзии. Один из одесских поэтов, стихи которого я переводила, Валентин Мороз, издавший на украинском несколько книг, был назначен заместителем директора будущего музея, он представил меня директору и основателю литературного музея Никите Алексеевичу Брыгину. Узнав, что я перевожу стихи Бориса Нечерды, тогда популярного в Одессе, и что мой отец демобилизованный офицер, Никита Алексеевич сказал – вы пойдете в отдел современной литературы, который занимается и военными писателями. Надо поехать в Киев и Москву, где живут родственники журналистов, участвовавших в обороне Одессы, и собрать оставшиеся у них документы и материалы. Так была определена моя жизнь на ближайшие годы.

Дело было в 1978 г., Одесский литературный музей осваивал выбитое Н.А. Брыгиным у городских властей здание – бывший дворец князя Д.И. Гагарина, который еще освобождался

от многочисленных прижившихся там организаций, и имел запущенный вид, ожидая будущей реставрации и комплектуя состав сотрудников. Работая в музее, я познакомилась и подружилась с людьми, оказавшими на меня большое влияние в отношении к жизни, культуре и к собственной литературной работе. Позже меня перевели в отдел дореволюционной литературы, и я не только собирала материалы по представленным в литмузее писателям (один из найденных и привезенных мною мемориальных экспонатов – чернильница Николая Георгиевича Гарина-Михайловского), но и работала в архивах и библиотечных обменных фондах Москвы и Ленинграда.

Приведенная выше автоцитата из эссе «Торопись, покупай живопись» демонстрирует мой давний интерес к «писателю второго ряда», как характеризуют Гарина-Михайловского современные исследователи русской литературы.

К примеру, авторы выставленной в сети на одном из педагогических сайтов программы предлагаемого школьного курса «Семейная хроника в русской литературе XIX-XX веков» Татьяна Костылева и Светлана Немцева пишут в пояснительной записке:

«Жанр семейной хроники в русской литературе оказался незаслуженно забытым, и произведения писателей, работавших в этом жанре, не занимают должного места в школьной программе по литературе. К таким писателям можно отнести С.Т. Аксакова, Н.Г. Гарина-Михайловского и других (даже термин возник: писатели второго ряда)».

Об условности понятий первого и второго ряда свидетельствует литературный дебют Николая Гарина-Михайловского, как сообщается в его биографии в Википедии: «Группа московских литераторов намеревалась купить... захиревший журнал «Русское богатство», но не располагала наличными; Станюкович предложил Михайловскому принять участие в этом проекте и внести пай деньгами. Николай Георгиевич сумел достать денег, перезаложив свое имение, и с 1 января 1892 г. «Русское богатство» перешло в руки новой редакции, причем официальной издательницей его числилась теперь Надежда Валериевна Михайловская (жена Гарина-Михайловского. – **Б. В.**). В первых трех номерах обновленного журнала напечатана была повесть

«Детство Тёмы», подписанная псевдонимом «Н. Гарин». Повесть была очень благожелательно встречена и читателями, и критикой. Не меньший успех имела книга очерков «Несколько лет в деревне», печатавшаяся с марта 1892 г. из номера в номер в журнале «Русская мысль». Автор сразу выдвинулся в первый ряд писателей своего времени».

Журнальные публикации повести «Детство Темы» и очерков Гарина-Михайловского производили на читателей сильное впечатление, о чем вспоминал в мемуарах 1925 г. его молодой коллега писатель Степан Гаврилович Петров-Скиталец, красочно рисуя портрет и биографические подробности насыщенной событиями жизни известного литератора, инженера и предпринимателя:

«Однажды, зайдя в редакцию «Самарской газеты», в Самаре, в конце девяностых годов, я встретил там незнакомого мне седого человека барской наружности, разговаривавшего с редактором и при моем появлении вскинувшего на меня красивые и совершенно молодые, горячие глаза.

Седой человек с какой-то особенной непринужденностью отрекомендовался, пожимая мою руку своей маленькой холеной рукой.

– Гарин! – сказал он кратко.

Это был известный писатель Гарин-Михайловский, произведения которого тогда часто появлялись в «Русском богатстве» и других толстых журналах. Его «Деревенские очерки» с большим вниманием и похвалой разбирала серьезная критика, а блестящая повесть «Детство Темы» признана была первоклассной.

Встреча в провинциальном городе с настоящим писателем, приехавшим из столицы, для меня была неожиданной.

Гарин был замечательно красив: среднего роста, хорошо сложенный, с густыми, слегка вьющимися седыми волосами, с такой же седой курчавой бородкой, с пожилым, уже тронутым временем, но выразительным и энергичным лицом, с красивым, породистым профилем, он производил впечатление незабываемое...

Он путешествовал вокруг света, гостил в Корее и Японии. В России занимался главным образом инженерством: был опытным инженером-строителем... ненадолго делался помещиком и дивил опытных людей фантастичностью своих сельскохозяйственных

предприятий... Занимался лесным делом, арендовал имения, брал казенные подряды. Иногда становился богатым человеком, но тотчас же затевал что-либо безнадежно фантастическое и вновь оказывался без копейки. В дни богатства всех сбивал с толку бесцельной щедростью... Писал большею частью в дороге, в вагоне, в каюте парохода или номере гостиницы: редакции часто получали его рукописи, написанные (отправленные) с какой-нибудь случайной станции с пути его следования.

Писал не для славы и не для денег, а так, как птица поет, так и Гарин писал – из внутренней потребности».

Из приведенного фрагмента воспоминаний вырисовывается характер писателя, истоки которого находим в герое его биографической повести «Детство Темы» – взрывной темперамент, импульсивные фантазии, отвага и безрассудство восьмилетнего ребенка с постоянным страхом недовольства строгого папы-генерала и жадной одобрения любящей мамы, с региональной одесской спецификой окружения Темы Карташева в «наемном дворе». Там он мог «носиться с ребяташками» из бедных семей: «Наемный двор – громадное пустопорожнее место, принадлежавшее отцу Темы, – примыкало к дому, где жила вся семья, отделяясь от него сплошной стеной. Место было грязное, покрытое навозом, сорными кучами, и только там и сям ютились отдельные землянки и низкие, крытые черепицей флигельки. Отец Темы, Николай Семенович Карташев, сдавал его в аренду еврею Лейбе. Лейба, в свою очередь, сдавал по частям: двор – под заезд, лавку – еврею Абрумке, в кабаке сидел сам, а квартиры в землянках и флигелях отдавал внаем всякой городской голытьбе. У этой голи было мало денег, но зато много детей. Дети – оборванные, грязные, но здоровые и веселые – целый день бегали по двору».

В своих эссе я не раз затрагивала проблему перехода от сложившейся в 19-м веке модели литературной иерархии (писатели первого или второго ряда) к социокультурной модели литературного пространства: «Культурологическая модель литературного пространства наиболее приемлема в условиях безграничного расширения русского литературного зарубежья и развития Интернета», см. в книге «Из первых уст. Одесский текст: историко-литературные аспекты и современность. Эссе, статьи, интервью»

(М.: Водолей, 2015, с. 100). В русском литературном Интернете на портале «Lib.Ru/Классика» выставлено Собрание сочинений Н.Г. Гарина-Михайловского, его биографическая справка, библиография и отклики на его творчество, в том числе упомянутый очерк Петрова-Скитальца. Как сообщается в представленной на этом портале биографии Н.Г. Гарина-Михайловского из дореволюционного «Русского биографического словаря»:

«Гарин – псевдоним беллетриста Николая Георгиевича Михайловского (1852-1906). Он учился в одесской Ришельевской гимназии и в институте инженеров путей сообщения. Прослужив около 4 лет в Болгарии и при постройке Батумского порта, он решил «сесть на землю» и провел 3 года в деревне, в Самарской губернии, но хозяйничанье не на обычных началах не пошло на лад, и он отдался железнодорожному строительству в Сибири. На литературное поприще выступил в 1892 г. имевшей успех повестью «Детство Темы» («Русское богатство») и рассказом «Несколько лет в деревне» («Русская мысль»)… У автора есть живое чувство природы, есть память сердца, с помощью которой он воспроизводит детскую психологию не со стороны, как взрослый, наблюдающий ребенка, а со всю свежестью и полнотою детских впечатлений».

Прочтение хорошо написанных, но забытых произведений писателя «не первого ряда» в мировом историко-литературном контексте может вернуть достойную литературу в круг современного чтения, сделать немодную сторону улицы модной. В случае с литературным наследием Николая Георгиевича Гарина-Михайловского успешно работает контекст романа воспитания (семейная хроника) и региональный одесский контекст.

В биографической повести «Детство Темы» воспитанием детей в семье Карташевых занимается мама Аглаида Васильевна, добрым любящим сердцем учитывая тонкую психику ребенка и последствия его отношений с окружающими. После того как отец высек Тему за бесконечные шалости, «горьким чувством звучат ее слова, когда она говорит мужу:

– И это воспитание?! Это знание натуры мальчика?! Превратить в жалкого идиота ребенка, вырвать его человеческое достоинство – это воспитание?!

Желчь охватывает ее. Вся кровь приливает к ее сердцу. Острой, тонкой сталью впивается ее голос в мужа.

– О жалкий воспитатель! Щенков вам дрессировать, а не людей воспитывать!

– Вон! – ревет отец.

– Да, я уйду, – говорит мать, останавливаясь в дверях, – но объявляю вам, что через мой труп вы перешагнете, прежде чем я позволю вам еще раз высечь мальчика.

Отец не может прийти в себя от неожиданности и негодования... и возмущенно шепчет:

– Ну, извольте вы тут с бабами воспитывать мальчика!»

Поведение матери в повести Гарина-Михайловского соответствует распространенным тогда идеям воспитания детей. Задаваясь вопросом «Как менялось отношение к материнству в различные исторические эпохи?», социолог Ольга Исупова отмечает, что к концу 19 в., до Фрейда, господствующей была идея воспитания Руссо: «среди многих образованных женщин, в основном дворянок, возникла мода на эту идею и в Европе, и в России... Мать должна была, во-первых, рожать детей, во-вторых, должна была заниматься их воспитанием, кормить (сама или нет – были варианты), и она должна была распознать талант этого ребенка и решить, что с ним делать, каким будет его будущее, как бы угадать это. Это и был интенсивный эффект. То есть мать должна была уделять ребенку очень много времени, много усилий и в меру всех своих возможностей, напрягая все свои ресурсы: образование, способности и так далее».

Задуманные беседы с мамой в повести «Детство Темы» посвящены социализации ребенка – усвоению им социальных норм, культурных ценностей и образцов поведения в обществе – в том числе воспитанию доброго отношения к людям более низкого социального происхождения, что представляется существенным для мамы Темы в ходе разбирательств его поведения, когда сословный гонор генеральского сына способствует совершению неблагоприятных поступков. Это и случай на скотном дворе, где Тема очутился с ватагой ребят, – «рассвирепевший бык, оторвавшись от привязи, бросился на присутствовавших, а в том числе и на Тему. Тему едва спасли. Мясник, выручивший его, на проща-

ные надрал ему уши. Тема был рад, что его спасли, но обиделся, что его выдрали за уши... Когда выдравший его за ухо мясник поравнялся с ним, Тема размахнулся и пустил в него камнем, который и попал мяснику в лицо». И история с лавочником Абрумкой, у которого Тема брал орехи для игры в «дзигу» с дворовыми мальчишками, обещая заплатить за орехи, выдумав, что мама и горничная Таня подарят ему деньги в день рождения. Как всегда, мама пришла на помощь, но, вернув деньги, мальчик «хотел сказать Абрумке, что он не смеет трепать его по плечу, потому что он – Абрумка, а он Тема – генеральский сын, но что-то удержало его».

Живший в Одессе в 1850-60-е гг., до окончания Ришельевской гимназии и поступления в Петербургский институт инженеров путей сообщения Николай Михайловский общался с многочисленным еврейским населением города, что нашло выражение в его творчестве. Как сказано в предисловии моей книги «Из первых уст»: «Невозможно обойти специфику межнационального общения в одесском тексте русской литературы, определившую его содержание». В 1903 г. в 4-м номере петербургского журнала «Образование» опубликованы три текста Н.Г. Гарина-Михайловского, напечатанные ранее «в разных провинциальных газетах» (примечание автора) – «Художник», «Гений», «Вероника». Эта публикация представлена в числе произведений писателя на интернет-портале «Lib.Ru/Классика»: Тени земли [1903] Проза.

В рассказе «Гений» изложена Гариним-Михайловским и закреплена в людской памяти уникальная одесская история – старый еврей, ведущий нищенское существование и плохо понимающий русский язык, свел знакомство с отставным учителем математики, две эти странные личности сошлись на поклонении математике, и бывший гимназический учитель обнаружил в записях старого еврея математическое открытие, давно известное в науке, к которому тот пришел собственным путем. Старого еврея пригласили в университет и объяснили, что именно он открыл:

«В зале заседали математики всего университета, всего города, заседал и старый еврей, такой же безучастный, со взглядом вверх, и через переводчика давал свои ответы.

– Сомнения нет, – сказал еврею председатель, – вы действительно сделали величайшее из всех в мире открытий:

вы открыли дифференциальное исчисление... Но, к несчастью для вас, Ньютон уже открыл его двести лет назад. Тем не менее ваш метод совершенно самостоятельный, отличный и от Ньютона, и от Лейбница.

Когда ему перевели, старый еврей спросил хриплым голосом:

– Его сочинения написаны на еврейском языке?

– Нет, только на латинском, – ответили ему».

Как указано в авторских примечаниях, «в основание рассказа взят истинный факт, сообщенный автору М.Ю. Гольдштейном. Фамилия еврея – Пастернак. Автор сам помнит этого человека. Подлинная рукопись еврея у кого-то в Одессе».

Что касается фамилии прототипа героя рассказа «Гений», он мог быть в родстве с Борисом Пастернаком – как и арендаторы наемного двора из повести «Детство Темы», дед поэта держал в Одессе, в районе Нового базара, заезжий двор с номерами, из окон которого Леонид Пастернак восьмилетним ребенком видел одесский погром 1871 г., о чем рассказывается в его воспоминаниях, полученных мною от внучки художника Анн Пастернак Слейтер для публикации в № 12 (2011 г.) одесского альманаха «Мория».

О том, что проза Гарина-Михайловского не оставляет современных читателей равнодушными, говорит и тот факт, что на одном из математических сайтов было высказано сомнение в правдивости рассказа «Гений»:

«Уж если Пастернак не знал о работах Ньютона и Лейбница, то о работах их предшественников он и подавно знать не мог. Значит, чтобы сделать последний самостоятельный решающий шаг, он должен был сделать и все предшествующие шаги, то есть заново переоткрыть все, что на протяжении 2 тысяч лет открыли величайшие математические умы. Но совершенно очевидно: такое не под силу ни одному, даже сверходаренному человеку» (<http://tehnо-science.ru/gipotezy-1410.html>).

Гарин-Михайловский в самом рассказе отвечает автору данной интернет-записи – «старый еврей спросил хриплым голосом: – Его сочинения написаны на еврейском языке?». Религиозным евреям известны были еврейские трактаты по математике доньютоновского периода, использовавшиеся в Талмуде для

расчета календаря и пр., напр.: «К 14 в. относится также трактат на мишнаитско-талмудическом иврите Авнера из Бургоса... Попытка автора доказать пятый постулат Евклида, исходя из соображений кинематики, свидетельствует, что его внимание уже привлекали те области математики, развитие которых привело в 17 в. к созданию дифференциального и интегрального исчисления, а в 19 в. – к неевклидовой геометрии», см. статью «Математика» в «Краткой еврейской энциклопедии» (Т. 5) (<http://www.eleven.co.il/article/12661>).

Еще о региональном контексте – восприятие моря в биографической повести Гарина-Михайловского «Детство Темы» составляет одну из лучших страниц в морской романтике одесской литературы: «Он стоял на берегу моря; нежный, мягкий ветер гладил его лицо, играл волосами и вселял в него неопределенное желание чего-то, еще не изведенного. Он следил за исчезающим на горизонте пароходом с каким-то особенно щемящим, замирающим чувством, полный зависти к счастливым людям, уносившимся в туманную даль!».

«Детство Темы» – замечательная книга для семейного чтения с детьми. Подробно описанные в ней разговоры Темы с мамой, когда она выслушивает объяснения, находя истинные причины поступков сына и исподволь его воспитывая, представляют ценность и для сегодняшних родителей, что укрепляет мотивацию возврата литературного наследия Николая Георгиевича Гарина-Михайловского в круг чтения современного читателя.

Иерусалим

